

Скачки — 5 / повесть

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 22 января, 2025

Скачки — 5 / повесть

* * *

Верно люди говорят: не обгоняй идущего с ношей... Мульки и в голову не пришло, что это может быть Нарлы. Он договорился встретиться с Атаджаном, спешил к дому Сейита Кары, когда догнал медленно идущего в сторону села человека с громадной охапкой травы за спиной. Вообще-то человека и видно не было, казалось, стог сам собой ползет по дороге. Поравнявшись, Мульки пробормотал слова приветствия и, не дожидаясь ответа, прибавил шаг.

— Эй, куда ты так торопишься? — услышал он за спиной голос брата. — Смотри, ногу подвернешь!

Он остановился, подождал, пока Нарлы приблизится:

— Помочь, брат?

Нарлы ничего не ответил; присел, опустил свою ношу на землю, скинул с плеч веревку. Отдышавшись он достал из-под кушака платок, медленно, тщательно стер им пот с лица. Он давно искал случая поговорить с Мулькаманом. Здесь место было подходящее: поблизости ни души и со стороны их никто не увидит — вдоль дороги густые заросли гребенщика.

— Совести у тебя нет, — произнес он наконец. — Я-то думал, что она спит, все ждал, когда проснется, да, видно, зря надеялся. Мертвого не разбудишь! — Ему хотелось, чтобы Мулькаман стал оправдываться, просил прощения, но тот не отвечал, смотрел себе под ноги, носком сапога рыл песок. — Я с утра до вечера в заботах, пот проливаю, а ты, как кобель в пору случки!... Мчишься — никого видеть не хочешь. Мог бы и сам травы принести. Или боишься, что у отца от радости сердце разорвется? Только и умеешь — сладко спать, красиво одеваться да отрывивать со вкусом! — Нарлы чувствовал, что его красноречие сейчас иссякнет. «Хоть бы огрызнулся» —

подумал он с надеждой. Мулькаман молчал. Нарлы вскочил на ноги, посмотрел брату в лицо — взгляд Мульки был равнодушный, сонный.

— Ты меня не слушаешь?! — Нарлы затрясся от гнева. Ему показалось, что алые, красиво очерченные губы Мульки дрогнули в усмешке. Ударил наотмашь и, когда Мулькаман вскинул на него испуганный взгляд, снова. — Понял, о чем я говорю?

— Понял, понял, — ответил Мулькаман, трогая разбитую губу. Нарлы двумя руками с силой толкнул его в грудь. Не ожидавший того Мулькаман сел в пыль.

— С ума сошел, что ли? Я же сказал, что понял.

— Встань! — заревел Нарлы.

— Бить не будешь?

— Убью, если не будешь слушаться!

— О чем ты говоришь, брат? Когда это я тебя не слушался? Что не прикажешь — сразу делаю. Кто перечит старшему брату, тот не человек! — Мулькаман поднялся с земли и на всякий случай отступил на шаг.

Говорил Мульки почтительно, не придерешься, но Нарлы догадывался, что он просто издевается над ним. Зачем он приплел про старшего брата? И взгляд нехороший, оценивающий, хитрый, с детства у него такой! Да, он старший брат. Велика честь! Ему бы хоть годик пожить так, как Мулькаман. Чем он хуже? Старший брат!.. С детства несет он эту ношу. Сначала был старшим братом Еламана, потом Иламана, теперь этого... Удивительно, как это люди помнят его имя. Ведь только и слышно было: «Ты — старший брат! Ты — старший брат!». Что он делал не так? Помогал во всем, защищал. Отец никаких забот не ведал. Разве он когда-нибудь жаловался ему на младших братьев? Те набедокурят, а колотили его, Нарлы. Те от работы отлынивали — он сам все делал. Отец ни разу его не похвалил, зато если что не так, то сразу: «Где ты был? Ты же старший брат...» Старший брат!.. За что, за что ему такое наказание?

Нарлы нередко думал об этом. В детстве, бывало, плакал от обиды, спрячется где-нибудь, поплачет, жалея себя, — легче становится. Теперь не поплачешь! Правда, иногда — ему даже страшно становилось от этой мысли — он чувствовал, что

ненавидит братьев. Нет, не ненавидит, тут что-то другое, особое, что он не может назвать словом. Когда наказывал младших, — за дело, всегда — за дело! — забывал себя, бил без сострадания, точно они враги. Это, пожалуй, единственный его грех. Считалось, что учит уму-разуму, а в самом деле — мстил им, невиновным, за то, что обделен любовью, уважением.

Единственное, чего хотелось, чего по-настоящему желал, — стать человеком уважаемым, чтобы люди по справедливости оценили его достоинства. Разве он не почтителен со старшими, разве не трудолюбив? Разве не смел? Разве когда-нибудь подвел людей? Никто не может его в этом упрекнуть. Так что же еще им надо? Мало ли он сделал для села? Другого за малую толику сделанного им, Нарлы, хвалили бы, как героя, а над ним — он знал об этом — посмеиваются. В открытую, конечно, никто над ним смеяться не посмеет, знают, что не поздоровится, но за глаза...

Нарлы совсем забыл про Мулькамана.

— Мне можно идти? — вкрадчиво спросил тот, полагая, что гнев старшего брата остыл.

— Куда? — удивился Нарлы.

— Обещал после работы помочь Атаджану. Он ждет.

— После работы?... Врешь и не краснеешь. Домой пойдешь! И траву потащишь! Понял?

— Понял.

Нарлы помолчал, подумал, потом спросил тихо:

— А за что тебя ударил понял?

— За то, что ленюсь...

— Нет, ничего ты не понял! За то, что врешь на каждом шагу. На работу не ходил!... Сказал, что отцу хуже, и дома не был. Не стыдно?...

— Ладно, все понял. — Мулькаман ухватился за веревку, попытался приподнять траву. Это ему не удалось.

— погоди. — Нарлы положил руку ему на плечо. — Хочу поговорить с тобой.

Неприязнь, какую он испытывал к Мульки во время разговора, неожиданно прошла. Он ощутил в себе доброе, нежное, заботливое

чувство к брату, почти позабытое. Так он любил Мульки, быть может, когда тот был младенцем, гугукал в колыбели. Нарлы показалось, что сейчас он сумеет найти нужные слова.

— Мы ведь уже не дети, — сказал он. — Слава Богу, и тебе за тридцать. Мне страшно, брат. Отцу недолго... — Он не смог договорить, слезы душили его. — Ты думаешь об этом? Говорят, дом держится на человеке. На отце он держится, на отце.

— Я знаю. — По лицу Мульки не догадаться, что он думает.

— А если знаешь — так что тебя... — Нарлы готов был снова взорваться, но сумел смирить себя. — Прошу тебя, не огорчай отца. Ничего мне больше от тебя не надо. Ведь сколько он из-за нас выстрадал! — Опять он сказал не так, как хотелось! —

Мы живем не хуже других. Ты знаешь, чего это отцу стоило?..

— Впервые в глазах Мулькамана появился интерес, и из-за этого Нарлы сбился. — Еламан и Иламан рано покинули нас. Нам надо держаться друг за друга. Кроме тебя у меня никого нет.

— Хорошо, брат.

Как-то не так сказал это Мулькаман, и кровь снова ударила Нарлы в голову.

— «Хорошо, хорошо...», — передразнил он брата. — А сам что творишь? Нашел время прогонять жену — отец при смерти! Разве человек так сделает? Осел! Ты его убиваешь. Если что случится, я тебя своими руками придушу. Запомни! — Нарлы стер тыльной стороной ладони пот со лба. — Чем тебе жена не угодила? Ну, скажи, скажи!

Мульки усмехнулся.

— Эх, братишка, зря вообразил, что ты умней всех. Разве я не вижу, что ты думаешь. Смеешься надо мной! Видно, я и в самом деле глуп, если решил с тобой по-человечески говорить... А ну, бери траву! Нечего на меня глаза пялить!

Мульки присел, ухватился покрепче за веревку, с трудом выпрямился.

— Идти, что ли?

— Шагай, шагай!

Мульки сделал шаг, другой, чуть не упал... Он и представить не мог, что Нарлы такой сильный. Шел, как ни в чем не бывало. Если бы они не встретились, так, наверно, до дому и отдохнуть

бы не присел.

Нарлы словно прочитал его мысли:

– Что ты остановился? Это не на Шункаре кататься.

Мульки с трудом сделал еще шаг.

– Ладно. Давай уж я понесу! Ты еще надорвешься.

Ни разу в жизни не был Мульки так унижен! Он притворился, что не слышит брата. Поднатужился, прошел еще несколько шагов. Но пальцы разжались сами собой...

Нарлы даже обрадовался. Крякнул, взвалил на себя траву, согнулся под ее тяжестью в три погибели и пошел, волоча ноги по пыли. Мулькаман плелся следом. Нет, теперь он никогда не станет обгонять идущего с ношей!

Как пришли домой, Нарлы даже не присел передохнуть. Первым делом покормил скотину. Потом позвал Соега, чтобы тот полил ему. Умывался долго, шумно. Наконец, одев чистую рубаху, пошел к отцовской кибитке. У порога остановился, позвал Мулькамана. Вошли к отцу вдвоем, вместе. Поздоровались со стариками, что пришли проведать Сары-сейиса.

– Отец, может дать Шункару ячменя?

– Нет, нет, – возмутился Сары-ага. – Я уже все, что нужно, приготовил. Как в затишь войдешь, увидишь. И пока Шункар не поест, будь рядом. Смотри, чтоб в миску ничего не попало.

– Хорошо. – Мульки был рад, что может уйти, побыть в одиночестве.

«Плохи, Шункар, мои дела. Что за жизнь пошла? Скоро из меня тряпку сделают, сапоги вытирать будут. Бешеный чуть не убил. Ему только повод дай подраться. Душу отводит. Думает, я этого не понимаю. Давным-давно понял. На себя злится, а колотит меня, да еще болтает. Бил бы уж молча. Благодетель, уму разуму он меня учит! Шеку подставь, да еще спасибо скажи. К чему, интересно, о том, что не последние мы в селе, вспомнил? Оговорился или знает что-нибудь? Может, они с отцом заодно? Нарочно намекнул, чтоб я своего места не забывал? Нет, на Нарлы не похоже. Для него это слишком хитро. Он бы прямо сказал. И с Курбангуль что-то решать надо. Брат бьет – ладно, стерпеть можно. А эти молокососы!...»

Вспомнив вчерашнее, Мулькаман снова разволновался. Когда возвращался от Курбангуль, подкараулили парни, что жили с ней по соседству. Окружили, кто-то в спину толкнул, да так, что тельпек в пыль упал. «Не ходи к нашей Курбангуль!»

«Как же, ваша»! Сопляки!... Моя она, только моя!»

Шункар с хрустом жевал кукурузные зерна. Миска уже наполовину опустела. Время от времени конь настораживал уши, но почти сразу же успокаивался. Когда Мульки вспомнил о девушке, Шункар приподнял голову, посмотрел на своего наездника так, словно догадался о его мыслях. Взгляд был тяжелый, в самую душу проникал. Мульки невольно поежился. Вот так порой и Курбангуль, стрельнет взглядом, а в нем что-то чужое, недоброе. Мульки поспешил прогнать эту мысль. Девушку понять можно: не сегодня – завтра поползут по селу слухи, а он еще ничего не решил. Скорей бы отец выздоровел! «Ничего, – успокоил себя Мульки, – до осени все уладится. А осенью снова скачки, большие призы – отец поговорчивей станет. Может подарит тебя, когда увидит, как я тебя подготовил. Ах, Шункар, если бы ты знал, что вся моя надежда на тебя!»

Мульки никак не мог понять отца. Когда кто-нибудь приходил к ним, Сары-сейиса всегда охватывало беспокойство. Виду он не показывал, но Мульки знал – его даже забавляло это – отец побаивается, как бы не сглазили Шункара, не навели порчу. Мульки и вообразить не мог, что было бы, если б отец увидел Атаджана в затиши. Но как он мог отказать другу? Атаджан любит коней, любит Шункара. Любовь не может причинить вреда. Ничего хорошего, что Шункар видит людей только на скачках. Слишком пуглив, совсем как девушка. Атаджан руку протянул, чтоб погладить, – задрожал, ощерился. Атаджан обиделся слегка... Ничего, пусть себе обижается. «Конь, что жена...» – Мулькаман усмехнулся, потрепал Шункару холку и торопливо вышел из затиши.

Сумерки пришли в уставшее село. Догорала вечерняя заря. В загустевшем, ставшем осязаемо плотном воздухе плыла издалика, с холмов, печальная девичья песнь. Слов было не разобрать, временами вообще казалось, что мелодия родилась сама собой, и не девушки то поют, а слились замысловато перекличка

мальчишек, поскрипывание арбы, негромкие голоса, плач младенцев, тревожное блеянье овцы, но все это не здесь, не в Ханаре, а далеко за чернеющими купами зарослей, а сюда доносится только отголосок, слабое эхо. Высоко в небе тянулся, поднимаясь над кибитками, белесый дым очагов. Казалось: не будь этих подпорок, небесный свод обрушится, раздавит своей тяжестью людские жилища. И было в этот час такое умиротворение, что день с его заботами, нетерпением, желанием чего-то достичь, все переиначить, сделать по-своему – откатился в прошлое, где много-много таких же дней, похожих один на другой, отхлынул, как вода, давая людям недолгую передышку.

Последнюю неделю Мульки вместе с другими односельчанами работал на раскорчевке леса. Ему не хотелось трудиться в поле, рядом с братом, постоянно чувствовать на себе его испытующий взгляд, все время ждать грозного окрика. Ему казалось, что среди чужих будет проще. Но люди, даже самые тихие и смирные, в деле словно преображались. Что-то страшное, пугающее Мулькамана, появлялось на их лицах. Какой-то необъяснимый азарт, словно золото надеялись они найти. Самые сильные рубили деревья, другие корчевали пни, его, может в насмешку, поставили оттаскивать стволы. Считалось, что эта работа самая легкая. Мулькаман, как иные, спорить не стал. Раз все так решили, значит надо. Голову бы тому отвернуть, кто считает эту работу легкой! Он все на свете проклял. Стоит присесть, сразу начинают таращиться. Ничего, конечно, не говорят, но вид у всех такой, словно он обкрадывает кого-то. Пусть смотрят, от их взглядов у него не убудет. Одного он не мог понять, почему каждый норовит выделиться, что-то доказать другим. Ради того, чтоб похвалили, посмотрели с уважением?

Сегодня было особенно тяжело. Исцарапанные руки горели огнем, не прикоснешься. Жара. Хотелось бросить все, уйти куда глаза глядят. Но терпел, работал, обливался потом, наравне со всеми. До обеда только раз позволил себе передохнуть, присесть ненадолго в тени. И то, таясь, чтоб никто не увидел, все время воровато озираясь.

Хорошо, председатель приехал, спросил, как отец.

Мульки неопределенно пожал плечами.

— Всю ночь не спал! — Сказал так, что неясно было, кто не спал, отец или он, Мульки.

— Так дома бы остался!

Мульки ухватился за ветку, сделал вид, что собирается продолжать работу.

— Позавчера тоже не выходил. Что люди скажут?

— Какой из тебя сегодня работник. Ступай, вздремни там. —

Ильмурад взглядом указал на старую иву, что росла поодаль. —

Этот день я тебе запишу.

«Как могли люди сделать такого простака председателем? Всякому готов поверить, а корчит из себя мудрого. Может потому и выбрали?» — Мульки сам в толк взять не мог, как это у него так ловко получилось. Вроде и не собирался лгать... Да и не солгал! Нужные слова сами собой нашлись!

Он лег в ямке меж корней ивы. Похоже ее кто-то вырыл здесь, не сама собой образовалась. Со стороны тебя совсем не видно, а тебе все как на ладони. Лежишь словно в колыбели. Конечно дома получше. У шах-тута тень густая, плотная, ни просвета. А у ивы листья узкие. И душно тут, ни ветерка. Тот, кто это логово рыл, не лучшее место нашел. Хотя, смотря для чего рыл. А то, может самое подходящее...

Даже в мыслях не хотелось вспоминать сыновей Дурды-бая. Но не иначе это их люди здесь хоронились. Когда на сходе решили раскорчевать заросли, чуть ли не через день пополз по селу слух, что сыновья Дурды-бая недовольны. Кто его принес из лесу — неизвестно. Может и не приносил никто, люди сами со страху выдумали. Трудно ли догадаться, что сыновьям бая эта затея не понравится. Заросли теперь их дом. Кто захочет, чтобы его дом разорили?

На сходе Нарлы тоже выступал, сказал, что новые земли — это новая жизнь. Тем, что из города приезжали, его слова понравились. Как только Нарлы до того додумался? Не иначе, Нязик научила. Новая жизнь... Зачем она такая нужна, если на поте и крови замешана. Сколько дней они уже работают, а на расчищенном месте и кибитки не поставишь. Сколько деревьев пришлось оттащить за эти дни, вспомнить страшно. Хорошо еще,

что деревья посуше люди домой забирают, на дрова, — все какое-то облегчение.

На новых землях каждый участок договорились назвать именем того, кто его расчищал. Всем это понравилось. Когда со схода расходились, Мульки видел, что люди, сами того может быть не замечая, шептали, как бы примериваясь: «Земля Ильмурада», «поле Сары»... Он и сам не удержался. «Земля Мульки»! Неплохо звучит. Еще лучше — «Земля наездника Мульки»! А что?...

— Что ж ты делаешь, Мамагуль! Детей своих пожалей, хочешь сиротами их оставить? — донесся крик Ильмурада. — Разве можно женщине такие тяжести таскать!

Мулькаман выглянул из своего укрытия. Соседка была совсем рядом, он увидел даже капельки пота у нее на лбу.

— Эх, Ильмурад! Да ради детей женщина любую тяжесть вынесет! Лишь бы им с протянутой рукой не пришлось ходить. — Ильмурад подошел к ней, ухватился за толстую ветку, и дальше они поволокли дерево вдвоем. — Лишь бы все учли, когда за работу зерно давать будут, — говорила Мамагуль, не глядя на председателя. — Я тебе так скажу: что мужчина, что женщина — разницы нет, только нам Аллах побольше терпения дал.

«Надо же вспомнится такое!» — Мулькаман вышел со двора, постоял немного напротив кибитки Мамагуль. Та возилась возле очага, готовила что-то. Возвращаться домой не хотелось. В кибитке Мамагуль заплакал ребенок. Мульки почувствовал, как защемило у него сердце. Плач был похож на плач Еламана. Может все дети плачут одинаково?

Он торопливо пошел дальше, опасаясь, как бы его не заметили рядом с чужой кибиткой. У развилки постоял немного, решая, куда пойти: к холмам, откуда доносились девичьи голоса, или к Атаджану. Пошел к Атаджану.

Сейит Кары перебирал что-то, сидя под виноградником. «Золото!» — мелькнула в голове мысль. Не видел, но догадался по тому, как торопливо прикрыл Сейит Кары монеты халатом, что лежал рядом, по тому, как с неприязнью посмотрел на него.

— Как здоровье, Сейит-ага? Шел мимо, решил проведать.

— Слава Аллаху. Как отец себя чувствует? — в свою очередь спросил Сейит Кары, подходя к Мулькаману. — Неважно он что-

то выглядел в последнее время. Видно, недолго мучиться на этом свете осталось. Что ж, такова наша судьба: смерть – удел каждого. Если потребуется моя помощь...

– Хорошо, Сейит-ага, – не дал ему договорить Мулькаман, неприятен был этот разговор.

– Учит ли сейис тебя ремеслу?

Мулькаман замешкался, не зная, что ответить. Не хотелось говорить, что отец почти не делится с ним своими секретами. Казалось, мулла нарочно спросил об этом, чтоб задеть побольней.

– Учит.

Сейит Кары усмехнулся:

– Так ли? Не учит ведь?

– А где Атаджан, Сейит-ага?

Мулла точно не слышал его вопроса:

– Эх, Сары. Видно, решил жить дольше Аллаха!.. А я учу Атаджана. Увидишь, через год он станет лучшим сейисом в округе. Вот только скачки теперь редко, да и призы не то, что прежде... Скоро держать коня станет обузой. Понимающих людей не стало.

– Атаджан дома?

– Атаджан?.. Дома, дома... Коня кормит. Красавец! Осенью он обойдет вашего Шункара, могу биться об заклад.

– Ладно, пойду пожалуй. Дай вам Бог здоровья.

– Эй, куда же ты? – крикнул Сейит Кары вдогонку. – Посиди, попей чайку с нами! Атаджан сейчас освободится!

Мулькаман даже не оглянулся. Что за человек мулла? Глаза источают мед, а уста, словно леток улья. Каждое слово жалит, как пчела! Хорошо, что Атаджана не было рядом. Мулькаман готов был сквозь землю провалиться от позора. Сколько раз он зарекался не ходить в дом Сейит Кары. После разговора с муллой на душе муторно. Вот Атаджан не такой. С ним легко, он умеет так поговорить, что все печали свои забываешь. Когда он рядом, не замечаешь как время летит. Всегда весел, беззаботен, совсем как сын Дурды-бая.

Год назад Мулькаман случайно встретился с ним, когда ходил в заросли собирать хворост. Они знали друг друга с детства,

вместе играли, вместе помогали отцу чистить коней. Разговорились, и Мульки забыл, зачем пошел в лес. Два дня они провели вместе. Среди сверстников было хорошо: ни в чем не было отказа, делай, что хочешь. Вольница пришлась ему по нраву. Он хотел остаться, да узнал, что расхворалась мать, и вернулся в село. Как отец его избил тогда!

Еламан и Иламан – две птицы счастья – покинули этот мир до срока, унесли с собой часть жизни. А теперь еще Мулькаман! Вечером, когда стемнело, Сары-ага вывел сына за село и поучил, чтоб неповадно было впредь бегать из дома. Бил, пока не заболели кулаки, пока Мульки не свалился в пыль. Потом принес стонущего, окровавленного сына на себе домой, отдал перепуганной невестке. С тех пор, правда, больше пальцем не тронул.

Несколько дней избитый Мулькаман не вставал, не выходил днем из кибитки. Лежал с закрытыми глазами, мечтал об отмщении. Поклялся, что как только станет лучше, уйдет к сыновьям Дурдыбая, вместе с ними нападет на село, сожжет дом. Нарлы пустит в пески, привязав к хвосту лошади! И отца тоже ... Но шли дни, ссадины затягивались, синяки сходили, и ярость его постепенно проходила. Стало стыдно, что думать о таком посмел. Однажды, когда отец зашел в кибитку, чуть было не повинился. Вовремя успел прикусить язык! «Гнев рождает глупые мысли, но и те, что приходят с раскаянием, не лучше! – подумалось после. –

Верно, и блудливая жена всегда думает, что гуляет в последний раз ...»

Стало совсем темно. За дувалами неистово, до хрипа, лаяли, надрывались псы. В этот час они всегда были смелы и злобны. Всякого готовы принять за вора. Хозяева еще не легли спать и это придавало им смелости. Ханарцы к их лаю привыкли, спокойно занимались своими делами, не обращая внимания на собак. Двери всех кибиток были распахнуты, ковровые пологи подняты – во время вечерней молитвы Аллах раздает людям достаток! Но доброе неотделимо от злого; чтоб не налетели комары, в очаге дымился кизяк.

Когда Мульки вернулся домой, гости все еще сидели у отца. Из кибитки слышался их неторопливый, степенный разговор.

Саженцы, поваленные бурей, все выжили. За лето вытянулись, и листьев у них куда больше, чем у прошло-годних. Листья широкие, темно-зеленые. Каждое утро Сары-ага поливает деревца арычной водой. Для деревьев она полезней, чем вода из колодца. Старик не нарадуется, что молодые тутовники принялись. «Главное – добрый уход! сказал он как-то Нарлы. – Только с годами начинаешь это понимать...»

* * *

Вокруг чернота. Нет, не чернота. Это крона шах-тута над ним. Но зелень еле угадывается, сразу не поймешь. Хорошо лежать в плотной тени, нето-ропливо, маленькими глоточками попивая терпкий, чуть остывший чай. Но что за крики это?... И люди? Почему они дерутся? Трое на одного!... О, Аллах! Да они же убьют его. Парень уже весь в крови, лицо, как кусок мяса. И вся рубашка кровью залита. Рубашка с расшитым воротом, совсем как у Беркели. Так ведь это Беркели!

«Люди, Что вы делаете?»

Те, что бьют, его не слышат. Он и сам не узнает свой голос. Какой-то хрип, а сил, чтобы встать, чтобы помочь Беркели нет. Ноги не слушаются, их словно связали.

«Сары!»

Нет, Беркели его все-таки услышал!

«Беркели!.. Беги сюда, в моем доме тебя никто не тронет. Беркели!...»

Ах, испугались!.. Господи, зачем у бородатого нож? Короткий, прямой, широкое лезвие так и сверкает на солнце. Это же человек, а не баран! Зачем на меня смотришь! Не смотри! Ты не можешь смотреть, ведь у тебя нет глаз. И не зови моего сына!

«Нарлы, что он у тебя просит? Не давай ему точило! Они хотят убить Беркели. Защити его, я тебе приказываю!»

Нарлы сидит прислонившись к кибитке. Вяжет веревку, даже головы не поднял.

«Что ж ты сидишь, выродок? Я приказал тебе, я, твой отец!»

«Не кричите! Только и знаете приказывать. То поруби дрова, то накорми скотину... Вы ведь сами велели вить веревку!»

«Нарлы, сынок, как ты со мной говоришь? Там ведь Беркели убивают, помоги ему...»

«Это не наше дело, отец. То не Беркели, он уже давно на том свете.»

«Это – Беркели! Что, я не знаю своего друга?!»

«Да хоть бы и Беркели! Кто меня послушает? Если они решили его прирезать, так мои слова их не остановят. Не мешайте мне, отец!»

«Да как ты можешь спокойно сидеть, когда убивают человека. Ты же сильный, сильнее всех в селе! Разве я не учил тебя помогать людям, защищать слабых? Встань немедленно!...»

«А разве вы не учили меня не лезть в чужую драку? Их трое, вы что не видите, отец? Кто станет кормить моих сирот?»

«О, Нарлы, ты ранишь мое сердце! Ты не сын мне больше! У тебя теперь нет отца, запомни! О, Аллах! Почему Ты забрал лучших? Мутьки!..»

«Да, отец.»

«Ты здесь? Я не видел, что ты стоишь рядом. Ты – моя опора! Спаси Беркели!»

«Уже поздно, отец. Видите, они вытирают кровь с ножа.»

И в самом деле! О, Беркели, Беркели!..

«Задержи убийц. Не дай им уйти от возмездия. Они убили моего лучшего друга, они убили Беркели!»

«То не Беркели вовсе. Чужой человек. Из соседнего села. Вы его не знаете даже. Может, он вор, насильник. Они все чужие!»

«Что с вами сегодня? Я не спрашиваю, кто тот человек. Я говорю, пойди и задержи убийц!»

«Вам нельзя волноваться, отец. Когда вы гневаетесь, у вас болит сердце. У вас больное старое сердце, оно не выдержит, если убьют еще одного вашего сына. У вас не останется сыновей. Вы не забыли, что проклинали Нарлы?»

«Пусть убьют, пусть...»

«Не плачьте, отец. Мне больно видеть ваши слезы. Позвольте, я вытру их. Ведь я – ваша опора!»

«Ты – мой позор! Не подходи ко мне! Я отдам Шункара тому, кто задержит убийц. Видите, они уходят?»

«Позвольте, я вылижу ваши слезы.»

«Соег, прогони этого шелудивого пса! Что он тычется мне в руку? Брось в него камень!»

«Это не собака, это — дядя Мульки. Это — ваш сын, дедушка!»

«Все равно брось в него камень!»

«А вы дадите мне десять таньга?..»

«Десять таньга?!»

«Ладно, давайте восемь! А если бы дали десять, я бы позвал людей.»

«Вот тебе таньга!.. Вот тебе таньга!..» — Он бросил во внука свои чарыки. Те летели медленно, кувыркаясь, а потом превратились в птичек и сели на ладонку к Соегу. И монетками стали.

«Но здесь всего два таньга, дедушка!»

«Так позови людей! Ты же сам говорил, что за два таньга позовешь.»

«Я уже позвал их. Вы что, ослепли?»

На улице, рядом с убитым Беркели и в самом деле толпились люди. Кто-то молился, кто-то обливал убитого водой. У всех были озабоченные строгие лица.

«Вы схватили убийц?»

«Мы не убийцы! О каких убийцах ты говоришь, старик? Мы шли по своим делам, остановились попить воды, а вы кричите: «Убийцы!» Жалко воды, так и скажите.»

«Пейте, пейте! Я вас не обвиняю. Его убили другие.»

«Кого?»

«Да вон же! Беркели!»

«Тут никого нет!»

Беркели и в самом деле исчез, только на земле была лужа крови. Какой-то парень зачерпнул ее и стал жадно пить.

«Мне все это снится, Гюльрух? Снится?»

Парень, что пил кровь, подошел к нему, протянул две золотые монеты.

«Вот вам деньги, отец. Вы меня не видели, а я вас. Мне некогда, а две монеты это хорошая цена.»

Парень исчез, словно испарился. Только там, где он за миг до этого стоял, осталось ослепительное свечение. Глазам было больно. «Никуда он не ушел, просто спрятался. Хочет узнать возьму ли я его подлые деньги!»

Он без жалости выбросил монеты, но вместо того, чтобы упасть на землю, они стали порхать, как мотыльки. А Гюльрух словно девчонка гонялась за ними, пытаясь поймать. И все остальные бежали вместе с нею: и Нарлы, и Мулькаман, и Соег.

«Совсем с ума сошел, — кричала старуха. — В доме мяса не осталось, муки на один раз, а он деньгами швыряется!»

«Будь проклята ты со своим мясом!»

«Что с тобой, сейис!» — Он узнал голос Черкеза -волопаса. — Кричишь, на другом конце села слышно.»

«Грамотей, хорошо, что ты пришел! Убили Беркели!»

Грамотей кинул свою сучковатую палку, разом сбил обоих мотыльков. Подошел к убитому, приподнял его голову. «Люди!» — крикнул он громко, как кричал, бывало, на скачках. И со всех сторон на его крик стали сбегаться ханарцы. И не только они. Прибежали убийцы, бородатый держал перед собой на ладонях окровавленный нож. Появился парень, тот, что давал деньги. И те, что пили воду у колодца, тоже были здесь, о чем-то расспрашивали Нарлы, сочувственно кивали головами. Подъехал, сидя на Шункаре, Мулькаман. Стоял рядом с отцом Соег, прижимая к груди чарыки. Успокаивали плачущую Гюльрух невестки. Черкез опустился на колени рядом с убитым, стал молиться. Но слова молитвы были какие-то странные, он просто что-то считал...

Сары-ага выругался и проснулся.

Заглянула в кибитку испуганная Гюльрух-эдже.

— Что с вами, отец?

— Плохой сон я видел, — признался он. — Будто убивали Беркели.

— Пусть Пророк истолкует его по-своему!

Рубаха была насквозь мокрой от пота, слегка кружилась голова. Но, как ни странно, после мучительного сна, приснившегося на рассвете, Сары-сейис чувствовал себя не хуже, а даже лучше, чем в другие дни. «Надо бы навестить Грамотея! Явился мне, как пророк Хыдыр¹, в трудную минуту подоспел на помощь», — подумал он, выходя из кибитки. Сегодня ему не понадобилась даже помощь сыновей. Опираясь на палку, он дошел до затиши, зашел к Шункару. Давно он не навещал коня! Сары-ага взял с полгорстки ячменя, поднес на ладони Шункару. Конь доверчиво

ткнулся губами в его руку. И в

этот миг сейис увидел, что в щели между двумя неплотно пригнанными жердями посверкивает чей-то глаз. Кто-то заглядывал в затишь с улицы. Это был не чужой человек, иначе бы Шункар беспокоился. Сары-сейис хотел кликнуть Мульки, но передумал. Бесшумно вышел из затиши, стараясь не шаркать чарыками, прошел к воротам, выглянул наружу.

– Еламан, сынок мой!..

От неожиданности ребенок вздрогнул, но в следующий миг, раскинув руки, бросился к деду.

– Дедушка!

Старик едва устоял на ногах, когда Еламан с разбегу повис на нем, обхватил ручонками, жарко зашептал, прижавшись щекой к холодной руке деда:

– Дедушка, милый, почему ты не приходил? Я так ждал, так ждал! Мама сказала, ты придешь... И бабушка обещала!

– Внучек, ласковый мой...

– Я так хотел тебя увидеть. И бабушку, и Шункара...

Подбежала Гюльрух-эдже.

– Будь благословен язык, сказавший «хотел увидеть»! Милый мой Еламан, радость моя, свет моих очей, смугленький ты мой! – причитала она, обливаясь слезами. – Повелитель ты мой!

– Ты меня обманула! Ты меня не любишь!..

– Не говори так, душа моя, не терзай мое сердце! – просила Гюльрух-эдже, прижимая к себе горячее тельце внука.

И тут Еламан увидел отца. Мульки вышел из кибитки и остановился, замер, вцепился руками в кушак, не мигая смотрел, как отец и мать суется вокруг его сына. Еламан вырвался из бабкиных объятий, кинулся ему навстречу, но вдруг замедлил бег, остановился в пяти-шести шагах от отца, точно наткнулся на невидимую стену.

– Здравствуйте, отец, – произнес он дрогнувшим голосом.

– Зачем пришел? Будь с матерью. Иди!

Гюльрух-эдже подхватила внука на руки, прижала к груди.

– Вы только послушайте, отец, как ваш внук здороваться научился. Слово взрослый! – Она повернулась к Сары-сейису,

встала так, чтобы мальчик не видел Мульки.

— Не пойду, не пойду!.. — Еламан бился, стараясь высвободиться, плакал, дрыгал ногами, кричал. — Не пойду!.. Дедушка-а!..

— Не плачь, душа моя... Пойдем, попьешь молочка.

— Не хочу!...

— Пойдем, пойдем, — говорила Гюльрух-эдже, укачивая Еламана, как младенца.

Всякий раз, когда она кипятила молоко, Еламан помогал ей поддерживать пламя в очаге, приносил веточки, сам подкладывал их в огонь. За это ему позволялось полакомиться пеночками, приставшими к стенкам казана. Не было для него лакомства вкусней. Он очищал казан так тщательно, что его можно было не мыть. Снаружи казан был черным от сажи. Гюльрух-эдже всякий раз предупреждала внука: не испачкайся, будь осторожен. Но куда там! Разве можно слизать пенки и не замараться сажей! Теперь казан дожидался Еламана в сторонке, сначала Гюльрух-эдже заставила внука выпить горячего молока, в которое она накрошила лепешку из джугары. Маленький Еламан уже успокоился, пил не торопясь, шумно причмокивая. Сары-ага и Гюльрух-эдже любовались внуком. Несколько дней разлуки обострили их чувства, простое, самое обычное поведение внука теперь представлялось им особенным, заставляло сердца замирать от восторга.

Сары-ага вспомнил, что среди тех, кто приснился ему ночью, не было маленького Еламана. Сон показался ему теперь добрым предзнаменованием. «Дети — молоко, а внуки — сливки», — думал он, глядя, как малыш, невидя ничего вокруг себя, собирает пальчиком пригоревшие к казану пенки. — Жаль, что и это начинаешь понимать слишком поздно! Сколько счастливых мгновений упустил за свою жизнь, сам себя обокрал».

Считалось, что мужчине надлежит быть сдержанным в чувствах, не выказывать своей любви к жене, к детям, даже лишние разговоры с ними вести не следовало. Так он и жил, и не сказать, что это давалось ему с трудом. Когда он затемно возвращался домой, на разговоры уже сил не было. Рука едва ложку поднимала, казалось, не на конюшне провел день, а дрова рубил.

Единственное, о чем думал, как бы скорей склонить голову на подушку. И когда союз «Кошчи» выделил землю, легче не стало. Только и радости, что работаешь не на Дурды-бая, на себя. С утра до вечера в поле, даже обедать не приходил. Еду приносил Мулькаман. Ни жары, ни усталости не замечал он. Только вечером, когда шел домой, понимал, что не зайди сейчас солнце, упал бы без сил и, кто знает, сумел бы подняться или нет. А утром, чуть свет, — снова в поле. Только когда постарел и уже не мог трудиться, как прежде, нашлось время присмотреться к сыновьям. Всю жизнь прожил ради них, гордился своими детьми. А они, оказывается, совсем не такие, как он думал. Сары-ага не знал, кого в этом винить: себя или сыновей. Ему представлялось неслыханной несправедливостью, что дети, его дети, ничем не лучше всех остальных ханарцев. Нет, не оправдали они его надежд. Пустые колосья... Живут, ни о чем высоком не помышляя, и сердца их черствы. Они не могут даже оценить по-настоящему, что это ради них он всю жизнь не досыпал, не доедал, не заметил, как пролетели лучшие годы. Слава Богу, хоть почтительны, покорны. Только разве в этом дело? Не слова благодарности ему нужны, а понимание, сочувствие. Неужели думают, что он не мог жить интереснее, себе в радость? Что тащил свою ношу, как слепая лошадь повозку, не зная куда, зачем?...

Порою он винил себя: сам не постарался, чтобы сыновья смогли понимать такое. Много ли он с ними говорил? Раз-другой, и то в спешке, между делами... Что ж теперь пенять на кувшин, если гончар был некудышный! Он решил заняться внуками, чтоб в них воплотились его надежды. Пусть сыновья, когда доживут до старости, глядя на своих детей, вспомнят о нем с благодарностью. Однажды он велел Нарлы и Мулькаману привести внучат: он научит их молиться. Вечером вокруг него собрались дети: Еламан, Аннам и Соег. Мальчики были серьезны, смотрели на него внимательно, готовые запомнить каждое его слово.

— Будем учить вечернюю молитву — саяят аль-ишани, — сказал он.

— Саяят аль-ишани, — хором повторили дети. Сары-ага порадовался их памяти: впитывает все, как песок воду! Он

приготовился продолжить урок, но вдруг смутился: правильно ли он помнит слова, которым собирался учить внуков?

— На сегодня хватит! — сказал он боясь опозориться. — А теперь отгадайте загадку: «Конь мой, коняга — жеребец в пятнистой попоне, ячмень не ест, где сухо — не скачет».

— Лягушка! — закричали дети наперебой, каждый хотел быть первым.

— Молодцы! Если еще одну отгадаете, будет ваш черед. «Есть у меня конь резвый, мешки-торбы рвущий...»

— Мышь! — ответил Соег и улыбнулся. — Слушайте: «Четыре миски полным-полны, откроешь одну — закрой другую!

Младшие шумели, гадали, а отгадать не могли, просили, чтобы Соег подсказал. Тот упрямылся. Сары-сейис думал о своем: «Нет в этом мире ничего в избытке, Аллах у одних забирает, другим дает. Давно ли моя память была ненасытной, как степной волк, а теперь стала словно пересохший колодец... Дай бог, чтобы мой дар перешел к ним. Пусть будет так!» Он приоткрыл веки, огляделся — детей в кибитке не было. Он и не заметил, что Гюльрух-эдже выпроводила внуков.

«Почему сейчас об этом вспомнилось?» — удивился Сары-ага.

Еламан весь перемазанный сажей, дочищал остатки. Сары-сейис взял палку, которая теперь служила ему посохом, вышел из кибитки. Постоял у порога. Хотелось полюбоваться Шункаром, утром он не успел насмотреться на него вдоволь, но в затиши был Мульки. И потом — зачем Шункару видеть его нездоровым, расслабленным. Слава Аллаху, хоть болезнь отступила, после стольких дней смог наконец встать на ноги!

— Мульки, запряги-ка Серую! Поедем к Черкезу-волопасу.

Сары-ага вышел со двора, пересек пыльную дорогу, поднялся на взгорок. Отсюда были видны поля. Пшеница уже поспевала, колосья стали золотыми. Еще немного — созреет. «Хорошо ли Нарлы полил участок? — думал он, глядя вдаль повлажневшими глазами. — Не забыл ли, что начинать надо с возвышенности?»

Когда он вернулся, повозка уже стояла посреди двора.

— Дедушка, дедушка! — бросился ему навстречу Еламан. — Я тоже с тобой поеду.

— Иди играйся! — прикрикнул на сына Мулькаман.

– Как же не взять с собой маленького, – Сары-ага помог Еламану забраться в арбу. – Нельзя, Мульки, так говорить с ребенком. Душа у него нежная.

– Хорошо, отец, – сказал Мульки, стегнув лошадь вожжами.

Серая поднатужилась, стронула арбу с места. Лениво заскрипели колеса. Сары-ага и Еламан сидели на охапке сена, Мульки шагал рядом с лошадей. Настроение у Сары-ага стало хорошее, хотелось поговорить.

– Что-то у Мамагуль никого не видно? – спросил он, когда они проезжали мимо соседского двора.

– Второй день с детьми косит, – нехотя отозвался Мулькаман.

– А как у них с едой?

– Позавчера зерно давали. Я привез Мамагуль ее долю...

– Так всегда делай, сынок, – похвалил Сары-ага. – Надо поддерживать друг друга. Много ли человек может один?

– Хорошо, отец.

Еламан задремал. Сары-ага осторожно вытянул травинку, что щекотала ему щеку. Они проезжали мимо двора Мухаммеда-серке. Он выделялся среди прочих: большая конюшня, просторный загон для овец. Отец Мухаммеда был богатым человеком. Но Мухаммед не смог преумножить наследства. Что имел, и то по ветру пустил. Не повезло ему!

А началось все с того, что Мурад-кривляка однажды перед скачками сказал, что Мухаммеду завтра ни одного приза не выиграть. Как в воду глядел! Мухаммед до полусмерти избил соседа. Тому бы успокоиться, так нет – только встал на ноги, снова стал дразнить:

– Твои клячи даже моего ишака не обгонят!

Powestler